

Оруэлл Джордж.

Вспоминая Испанскую войну

1

Прежде всего физические ощущения, звуки, запахи, память о предметах, которых коснулся рукой.

Как ни странно, но живее всего память удержала неделю так называемого военного обучения, которое мы проходили перед отправкой на фронт. Огромные кавалерийские казармы в Барселоне, пронизываемые сквозняком конюшни, и мощеный двор, ледяной холод воды из колонки, где мы умывались, грязная еда, которая становилась терпимой, когда ее смачивали кружками вина, одетые в брюки женщины-ополченки за рубкой дров; помню утренние проверки, когда моя прозаическая английская фамилия комично выделялась среди звучных испанских имен: Мануэль Гонзалес, Педро Агиляр, Рамон Фенеллоза, Роке Балластер, Хаиме Доменек, Себастьян Вильтрон, Рамон Нуво Босх. Я называю имена этих людей, ибо помню их всех в лицо. Вполне вероятно, что если не считать двоих, обыкновенных хулиганов, ставших, конечно, со временем рьяными фалангистами, все они, наверное, погибли. О том, что двое из них убиты, я знаю наверняка. Старшему было двадцать пять лет, младшему – шестнадцать.

Война – это прежде всего вездесущие запахи человеческих выделений. Уборным отведено видное место в военной литературе, и я не стал бы упоминать о них, если бы уборная в нашем бараке не способствовала разрушению моих иллюзий о гражданской войне в Испании. Даже лучшая из уборных латинского типа, в которых приходится сидеть «орлом», достаточно скверна. Но наша была сооружена из какого-то скользкого камня, на котором почти невозможно было устоять. К тому же она всегда была засорена. Моя память хранит множество других отвратительных воспоминаний, но, кажется, именно эти уборные впервые навели меня на мысль, часто приходившую мне потом в голову: «Вот мы, солдаты революционной армии, защищаем демократию, боремся против фашизма, ведем войну, имеющую цель, а условия нашей жизни так убоги и унижительны, как если бы мы находились в тюрьме, не говоря уж о буржуазной армии». Позднее это впечатление укрепилось под воздействием многих других причин, таких как скука, голодный волчий голод окопной жизни, жалкие интриги из-за куска хлеба, склоки людей, измученных

бессонницей.

Неизбежные ужасы армейской жизни (каждый солдат знает, что я имею в виду) не меняются в зависимости от характера войны. Возьмем хотя бы дисциплину, без которой нет армии. Приказы нужно выполнять, невыполнение карается по уставу, отношения между офицерами и солдатами строятся на подчинении. Картина войны, представленная в таких книгах как «На Западном фронте без перемен» в основном правдива. Пули ранят, от трупов поднимается зловоние, оказавшись под огнем, солдаты часто мочатся в штаны – от страха. Верно, что социальное происхождение бойцов сказывается на уровне подготовки армии, на ее тактике и боеспособности. Верно и то, что сознание правоты дела, за которое сражаешься, поднимает боевой дух. Касается это, однако, в большей степени гражданского населения, чем армии. (Люди забывают, что солдат на фронте обычно слишком голоден или испуган, или дрожит от холода, или, чаще всего, слишком измучен, чтобы думать о политических причинах войны). Но законы природы не меняются ни для «красной» армии, ни для «белой». Вошь – это вошь, а бомба – это бомба, даже если так случилось, что вы боретесь за правое дело.

Почему, спросите вы, нужно говорить об истинах, которые сами собой разумеются?

А потому, что подавляющая часть английской и американской интеллигенции не имела, да и сегодня не имеет понятия об этих вещах. Наша память стала очень коротка, но стоит лишь припомнить, порыться в подшивках «Нью массез» или «Дейли уоркер», чтобы убедиться, какой романтической воинствующей чепухой были заполнены страницы наших левых журналов и газет. Это заштампованное старье истертых фраз! Хладнокровие, с каким Лондон отнесся к бомбардировке Мадрида! Я не имею здесь в виду контрпропаганду правых, всех этих Луннсов, Гарвенсов и им подобных. О них говорить нечего. Я говорю о людях, которые на протяжении двадцати лет издевались над военной «славой», высмеивали рассказы о совершенных жестокостях, патриотизм, даже физическое мужество. Теперь они выступали с речами, которые лишь изменив несколько имен, можно было бы напечатать в «Дейли мейл» в 1918 году. Прежде казалось, что если у английской интеллигенции есть какая-нибудь цель, то она заключается в разоблачении мифа войны, в провозглашении теории, что войны – это только трупы и нечистоты, что война никогда не ведет ни к чему хорошему. И вдруг те же самые люди, которые в 1933 году с издевательским фырканьем встречали слова о том, что в определенных обстоятельствах вы готовы сражаться за свою страну, в 1937 году начали обзывать троцкисто-фашистом всякого, кто осмеливался заметить, что «Нью массез» несколько преувеличивает, рассказывая о только что раненых бойцах, требовавших, чтобы их немедленно возвратили на передовую. Левая интеллигенция перескочила от убеждения, что «война это ад» к уверенности, что «война – это дело чести», не только без тени смущения, но и без всякого переходного периода. Позднее большинство этих интеллигентов с такой же легкостью совершит многие другие превращения. Есть немалое число людей, эдакое ядро интеллигенции, одобрявших в 1935 году декларацию в поддержку «короля и отечества», кричавших о «твердой линии в отношении Германии» в 1937 году, поддержавших Народную конвенцию[32] в 1940 и требующих открытия второго фронта сегодня.

Необычайные скачки общественного мнения, взрывы эмоций, которым можно дать выход или прикрыть по желанию (будто речь шла о простом водопроводном кране), объясняются воздействием газет и радиогипнозом. Но если говорить только об интеллигенции, то причина этих скачков скорее деньги и забота о собственной шкуре. Сегодня эта интеллигенция может выступать за войну, завтра – против, но в обоих случаях она не имеет реального представления о войне. Приходя в восторг от войны в Испании, интеллигенты знали, конечно, что там убивают людей и что быть убитым неприятно. Но они все же считали, что с точки зрения солдат республиканской армии тяготы войны не так уж невыносимы. Непостижимым образом, уборные республиканских солдат воняли не так скверно, как другие, и даже дисциплина донимала их меньше, чем других солдат. Достаточно пробежать любой номер «Нью стейтсмен», чтобы убедиться – интеллигенция верила в эти глупости. Сегодня подобную чепуху пишут о Красной армии. Цивилизация лишила нас способности понимать очевидное. Правда очень проста: чтобы выжить, зачастую нужно драться, а ввязываясь в драку нельзя не запачкаться. Война есть зло, но часто она – меньшее из зол. Взявший меч от меча погибнет, но люди, не берущие в руки оружия, гибнут от мерзких болезней. Тот факт, что приходится повторять такие прописные истины, показывает, до чего довели нас годы капита-листической стрижки купонов.

В связи со сказанным – несколько слов о же-стокостях. У меня мало показаний очевидцев о жестокостях, совершенных в ходе гражданской войны в Испании. Я знаю, что некоторые из них были совершены республиканцами, а значительно больше (они все еще продолжаются) – фашистами. Однако, меня поразило, что рассказам о зверствах верят или не верят в зависимости от политических симпатий. (От этого впечатления я не отделался и по сей день). Все готовы поверить в зверства, совершенные врагом, и не верят в жестокости, совершенные своими, не заботясь при этом совершенно о достоверности данных. Я недавно составил список жестокостей в период с 1918 года до наших дней. Не было года, чтобы где-нибудь не совершались бы зверства, но не было, кажется, ни одного случая, чтобы в какой-либо факт проявления бесчеловечности верили одновременно и левые и правые. Более того, ситуация могла измениться в любой момент, и то, что лишь вчера преподносилось как факт, не вызывающий ни малейших сомнений, сегодня превращалось в наглую ложь – в зависимости от перемены политического климата.

Отличительная черта нынешней войны состоит в том, что «рассказы о зверствах» начали распространяться еще до начала боев, причем делали это преимущественно левые, люди, которые обычно кичатся своим скептицизмом. В это же самое время правые, вопившие о зверствах в 1914-18 годах, не обнаруживали ничего плохого в нацистской Германии. Но стоило лишь начаться войне, как вчерашние пронацисты стали рассказывать о немецких зверствах, а антинацисты вдруг усомнились даже в существовании гестапо. И объясняется это не только советско-германским пактом. Причиной тому, в частности, то, что до войны левые придерживались ошибочного убеждения, что Великобритания и Германия никогда не будут воевать между собой и поэтому они могли иметь одновременно антинемецкие и антианглийские настроения. Кроме того, официальная военная пропаганда с ее отвратительным ханжеством и само-довольством всегда вынуждает думающих людей симпатизировать врагам. Систематическая ложь 1914-17 годов повлекла за собой преувеличенные прогерманские настроения послевоенных лет. В 1918-33 годах в левых кругах шикали на каждого, кто пытался намекнуть, что Германия несет хотя бы малую

толику ответственности за войну. Во время пламенных разоблачений Версальского договора, свидетелем которых мы были все эти годы, никто не задал вопрос: «Что бы случилось, если бы Германия выиграла войну? «То же самое можно сказать о зверствах. Правда превращается в ложь, как только она исходит из уст врага. Недавно я заметил, что те же люди, которые доверчиво принимали за чистую монету все рассказы о зверствах, совершенных в Нанкине в 1937 году, отказывались верить точно таким же рассказам, когда речь заходила о Гонконге в 1942 году. Так сказать, задним числом наметилась даже склонность считать рассказы о нанкинских жестокостях выдумкой, ибо теперь на них обращало внимание британское правительство. К несчастью, правда о зверствах значительно хуже того, что способны выдумать органы пропаганды. Довод, приводимый скептиками, что те же рассказы о зверствах появляются, мол, во время каждой войны, делает лишь более вероятной правдивость этих рассказов. Очень многие люди грезят о жестокостях, а война дает возможность осуществить их на деле. Кроме того замечу, хотя теперь это уже не модно, – нет никаких сомнений в том, что те, кого можно приблизительно назвать «белыми», совершают больше зверств, – причем зверств более страшных, – чем «красные». Нельзя, например, заблуждаться относительно выходок японцев в Китае. Не приходится сомневаться и в правдивости рассказов о зверствах фашистов в Европе на протяжении последних десяти лет. Свидетельств тому множество, причем солидную часть их можно почерпнуть из самой немецкой печати и радио. Жестокости были, и нельзя закрывать на них глаза. Рассказы о фашистской лютости не утрачивают своей правдивости и тогда, когда о них говорит лорд Галифакс. Насилия и резня в китайских городах, пытки в подвалах гестапо, рассказы о престарелых еврейских профессорах, брошенных в выгребные ямы, расстрел из пулеметов беженцев на дорогах Испании – все это не выдумки. И ничего не меняется от того, что газета «Дейли Телеграф» внезапно, хотя и с пятилетним опозданием, начала об этом писать.

2

Вот еще два воспоминания. Первое из них ничего особенного не доказывает, второе же дает некоторое представление о революционной атмосфере тех дней. Однажды ранним утром я и еще один боец отправились на снайперские позиции. Под Хуэской наши окопы находились в трехстах метрах от фашистских. Попасть в цель на таком расстоянии из наших дряхлых винтовок было немыслимо. Можно было, однако, выползти на по-зицию, находившуюся метрах в ста от фашистских окопов и, в случае удачи, подстрелить кого-нибудь сквозь амбразуру в парапете. На беду между окопами расстилалось гладкое свекольное поле. Спрятаться можно было только в нескольких узких канавках, поэтому забираться в укрытие надо было еще затемно, а выползать до рассвета. На этот раз мы не заметили ни одного фашиста и замешкались – рассвет захватил нас врасплох. Мы сидели в канаве, а за нашей спиной лежало двести метров ровного поля, на котором не то что человеку, но и кролику негде было спрятаться. Мы набирались духу, чтобы вскочить и одним махом пробежать это расстояние, как вдруг послышались крики и свистки в фашистских окопах. В воздухе появились наши самолеты. В этот момент из окопов выскочил солдат и во весь рост побежал по парапету. Он был раздет по пояс и на бегу поддерживал обеими руками свои штаны. Я не стал в него стрелять. Я скверный стрелок и вряд ли попал бы в человека, бегущего в ста

метрах от меня, и кроме того я думал главным образом о том, как поскорее попасть в наши окопы, пока самолеты отвлекают внимание фашистов. И все же я не выстрелил в солдата прежде всего из-за этих самых штанов, которые он поддерживал руками. Я пришел сюда стрелять в «фашистов», но человек, поддерживающий на бегу штаны, это не «фашист», это просто человек, как ты и я, и мне расхотелось в него стрелять.

Каков смысл этого случая? Ничего особенного в нем нет, такие вещи случаются на каждой войне. Второй инцидент совсем иного характера. Не думаю, чтобы рассказ о нем мог взволновать читателя, но меня он тронул глубоко, ибо он как нельзя лучше отражает специфику человеческих отношений того времени.

В числе новобранцев, прибывших в барселонскую казарму, был диковатый паренек с окраин города. Оборванный, босой, очень смуглый (сказывалась, думается мне, арабская кровь), он жестикулировал совсем не по-европейски. Особенно странным был один жест – вытянутая рука, вертикально поставленная ладонь. Однажды из моей тумбочки стащили коробку сигар, стоивших в те дни гроши. Я имел глупость, сообщить о пропаже, а один из прохвостов, о которых я рассказывал выше, заявил, что из его тумбочки украли двадцать пять пезет (он явно лгал). Офицер сразу же, неизвестно почему, решил, что вор – чернявый паренек. В ополчении за воровство наказывали строго и – теоретически – могли даже расстрелять. Несчастный мальчишка послушно пошел в караульную и там позволил себя обыскать. Вольше всего меня поразило, что он даже не пытался доказать своей невиновности. Сквозь фатализм его поведения проглядывала отчаянная бедность, в которой он вырос. Офицер приказал пареньку раздеться. С покорностью, потрясшей меня, он разделся догола и протянул одежду для обыска. Конечно, ни сигар, ни денег у него не нашли. Самым мучительным для меня было то, что он оставался таким же пристыженным и после того, как его невиновность была установлена. Вечером я пригласил парнишку в кино, угостил коньяком и шоколадом. Но моя попытка смыть оскорбление деньгами была не менее мучительной: ведь я, пусть всего на несколько минут, наполовину верил, что он вор, и этого нельзя было стереть.

3

Несколько дней спустя, на фронте, у меня вышли неприятности с одним из бойцов. Я был в то время «кабо», то есть капралом, и командовал взводом в двенадцать человек. Шла окопная война, стоял лютый холод, и вся моя работа заключалась в том, чтобы будить часовых, засыпавших на посту. Один из бойцов отказался идти в наряд на пост, который, как он вполне справедливо утверждал, находился под неприятельским огнем. Солдат попался тщедушный, я схватил его и стал силой тащить на пост. Это возмутило остальных бойцов, ибо испанцы, как мне кажется, менее терпимы чем мы к чужому прикосновению. Меня сразу же окружила толпа кричащих солдат: «Фашист! Фашист! Пусти его! Это не буржуазная армия! Фашист! «Я огрызался как мог, на своем скверном испанском языке, объясняя, что приказы следует исполнять. Сразу же возникло нечто вроде митинга, с помощью которых революционные армии добиваются сознательной дисциплины. Некоторые из солдат взвода говорили, что я прав, другие были против меня. Но одним из самых ярых моих сторонников оказался тот самый смуглый парнишка. Едва увидев, что происходит, он

ворвался в кольцо стоявших вокруг солдат и начал яростно меня защищать. Сопровождая свои слова странным, диким, индейским жестом, он кричал: «Это наш самый лучший капрал! «Потом он попросил перевода в мой взвод.

Почему этот инцидент так трогает меня? Потому что в нормальных условиях хорошие отношения между мной и парнишкой никогда бы не восстановились. Моя попытка искупить вину – ложное подозрение в краже – положения бы не изменила, а может быть, даже наоборот, только ухудшила бы его. Обеспеченная, цивилизованная жизнь делает нас сверхчувствительными, естественные эмоции вызывают в нас нечто вроде от-вращения. Щедрость начинает восприниматься так же мучительно как скупость, признательность за добро делается столь же ненавистна как неблагодарность. Но в 1936 году в Испании мы не жили нормальной жизнью. Это было время щедрых чувств и жестов. Я могу рассказать десятки подобных случаев, не очень важных сами по себе, но воссоздающих в моей памяти особую атмосферу времени – потрепанную одежду и расписанные веселыми красками революционные плакаты, слово «товарищ» на устах у всех, баллады, напечатанные на скверной бумаге и продаваемые за гроши, выражения вроде «солидарность мирового пролетариата», с пафосом повторяемые неграмотными людьми, которые верили в эти фразы. Способны ли вы испытывать дружеские чувства по отношению к человеку, в чьем присутствии вас покрыли позором, раздев догола в поисках вещей, якобы у него украденных? Да еще вступить за него во время ссоры? – Нет, вряд ли вы способны на это. Но все изменилось бы, выпади на вашу долю испытания из числа тех, что обогащают душевный мир человека. Таков один из побочных продуктов революции. Правда, в данном случае речь шла только о самых зачатках революции, к тому же обреченной на поражение.

4

Борьба за власть между республиканскими партиями Испании, – злосчастные события прошлого, о которых теперь мне не хочется вспоминать. Я упоминаю их только для того, чтобы предупредить: не верьте ничему, или почти ничему из того, что пишут о внутренних делах на республиканской стороне. Из какого бы источника ни исходили сведения, они все равно партийная пропаганда, то есть ложь. В общих чертах правда об этой войне – проста. Испанская буржуазия, увидев возможность сокрушить рабочее движение, воспользовалась этой возможностью, получив поддержку со стороны нацистов и реакционных сил всего мира.

Помню, как-то я сказал Артуру Кестлеру: «История остановилась в 1936 году», с чем он немедленно согласился. Мы говорили о тоталитаризме вообще, а в частности, о гражданской войне в Испании. Еще в ранней молодости я обнаружил, что ни одно событие не удостоивается совершенно точного описания в прессе, но в Испании я впервые увидел газетные сообщения, не имевшие ни малейшего отношения к фактам, даже такого, которое, казалось бы, необходимо для написания лживой заметки. Я читал о крупных боях в районах, где никаких боев не было, и не находил ни слова о сражениях, в которых гибли сотни людей. Храбро сражавшихся бойцов обзывали трусами и предателями, а других, близко не слышавших винтовочного выстрела, прославляли как героев выдуманных сражений, я видел лондонские газеты, повторявшие эту ложь, и ретивых интеллектуалов, изоцравшихся в

извлечении далеко идущих выводов из событий, которых просто-напросто не было. По сути дела, на моих глазах писалась история не того, что произошло, а того, что должно было произойти, в соответствии с различными партийными «линиями». Но как бы это ни было ужасно, особого значения эти подлоги не имеют. Они касаются второстепенных проблем – борьбы за власть между Коминтерном и испанскими левыми партиями и стремлениями советского правительства предотвратить революцию в Испании. Но общая картина войны, представленная миру испанским правительством, не была неверной. Правительство, в общем и целом, правильно формулировало основные цели борьбы. Но фашисты и их сторонники не были способны приблизиться к истине даже в такой степени. Они, разумеется, не могли раскрыть своих подлинных целей. Их версия войны была чистой выдумкой и не могла быть иной в данных условиях.

Нацисты и фашисты придерживались в своей пропаганде единственно мыслимой для них линии – они изображали себя христианскими патриотами, спасающими Испанию от советской диктатуры. По их описаниям, республиканская Испания была охвачена непрекращающейся резней (смотри «Католик Геральд «или «Дейли мейл», выдумки которых выглядели, кстати, невинно по сравнению с континентальной фашистской печатью); к тому же они чрезмерно преувеличивали масштабы советской интервенции. Я хочу остановиться лишь на одном, из целой пирамиды лживых утверждений, воздвигнутой католической и реакционной печатью во всем мире. Я буду говорить о присутствии советских войск на испанской земле. Преданные сторонники Франко давали оценки численности этих войск, доходившие до полумиллиона человек. В действительности же в Испании не было русской армии. Была горстка летчиков и других технических специалистов, самое большее – несколько сот человек, но армии не было. Несколько тысяч иностранцев, сражавшихся в Испании, не говоря о миллионах испанцев, могут это подтвердить. Но эти свидетельства не производят никакого впечатления на франкистских пропагандистов, которые и носа не казали в республиканскую Испанию. А в то же время, эти люди категорически отказываются признать факт немецкой и итальянской интервенции, хотя печать в самой Германии и Италии открыто хвасталась подвигами своих «легионеров». Я выбрал только этот пример, но таков был уровень всей фашистской пропаганды в этой войне. Такие вещи меня пугают, ибо мне начинает казаться, что из мира улетучивается само понятие объективной истины. В результате существует возможность, что эта или ей подобная ложь станет частью истории. Как будет писаться история испанской войны? Если Франко останется у власти, его люди напишут учебники по истории и (оставаясь при моем примере) никогда не существовавшая русская армия станет историческим фактом, который будут заучивать поколения школьников. Но допустим, что фашизм будет разбит, и в достаточно близком будущем в Испания будет восстановлена демократическая власть. Даже в этом случае – как будет выглядеть история войны? Какие документы оставит Франко после себя? Допустим даже, что удастся восстановить архивы республиканского правительства. Можно ли написать на их основе правдивую историю войны? Как я уже говорил, правительство тоже лгало без зазрения совести. Можно написать с антифашистской точки зрения достаточно правдивую историю войны, но она будет историей односторонней, ненадежной во всех мелких деталях. И тем не менее какая-то история все же будет написана, а поскольку все свидетели ее к тому времени перемрут, она станет общепринятой. Таким образом ложь превратится в правду.

Я знаю, что модно утверждать, будто бы история вообще – лжива. Я готов согласиться с утверждением, что история в значительной своей части неточна и пристрастна. Но что характеризует наше время – это отказ от самой идеи правдивой истории. В прошлом люди умышленно лгали или непроизвольно приукрашивали то, что писали, либо искали истину, будучи, однако, уверенными, что они допустили много ошибок. Но во всех случаях они верили, что «факты» как таковые существуют и что они более или менее восстановимы. В отношении очень большого числа фактов всегда существовало всеобщее согласие. Откройте «Британскую энциклопедию» и прочитайте статью о первой мировой войне; вы обнаружите, что в ней широко использованы германские источники. Британский и немецкий историки будут спорить по многим вопросам, в том числе и по фундаментальным, но имеется значительное число фактов, так сказать нейтральных, которые признаются и теми, и другими. Тоталитарный строй разрушает ту совместную платформу согласия, которая зиждется на положении, что все представители человеческого рода принадлежат к тому же биологическому виду. Нацистская теория особо подчеркивает, что «правды как таковой» не существует.

Нет также и единой науки. Нацисты говорят о «немецкой науке», «еврейской науке» и т. д. Ло-гическим завершением такого образа мысли может стать кошмарный мир, в котором Вождь, либо правящая клика, контролирует не только будущее, но и прошлое. Если Вождь скажет, что такое-то событие никогда не произошло, значит его не было и в помине. Если он говорит, что дважды два пять – значит, так оно и есть. Такая перспектива пугает меня больше, чем бомбы, и, учитывая опыт последних лет, к этой возможности не следует относиться слишком легкомысленно. Но быть может, перспектива тоталитарного будущего – это всего лишь детский страх или игра мрачного воображения? Прежде чем отрицать возможность тоталитарного мира, прежде чем называть его кошмаром, который никогда не станет явью, вспомните, что в 1925 году кошмарным сном показался бы сегодняшний мир. В этом зыбком фантазмагорическом мире, в котором черное может завтра стать белым, а вчерашнюю погоду можно изменить специальным декретом, остаются только две надежды. Первая заключается в том, что как ни отрицай правду, она все равно продолжает существовать как бы за нашей спиной, а постоянно насиловать ее нельзя, хотя бы из соображений боеспособности. И вторая надежда – пока останется не завоеванной хотя бы часть земного шара, либеральную традицию можно сохранить. Но если фашизм, либо комбинация нескольких видов фашизма, завоеует весь мир, обе эти надежды умрут. В Англии мы недооцениваем эту угрозу, ибо наши традиции и внушенное прошлым чувство безопасности привили нам сентиментальную веру в то, что в конце концов все наладится, а то, чего мы больше всего боимся, никогда не произойдет. Воспитанные на протяжении сотен лет на литературе, в которой Справедливость всегда торжествовала (в последней главе), мы полуинстинктивно верим, что в конечном счете зло само себя погубит. Пацифизм, например, построен главным образом, именно на этом предположении. Не противьтесь злу и оно как-нибудь себя уничтожит. Но почему собственно? И где доказательства, что так именно будет? Какими образом рухнет современное индустриальное государство, не будучи завоевано извне вооруженной силой?

Возьмем, например, восстановление рабства. Кто двадцать лет назад мог себе представить, что в Европу вернется рабство? И вот, под самым нашим носом рабство восстановлено. Ибо исправительно-трудовые лагеря, созданные в Европе и Северной Африке, в которых поляки,

евреи и политические заключенные всех рас строят дороги и осушают болота – это проявления самого обыкновенного рабства. Единственное, что пока еще не разрешено – это покупка и продажа рабов по одиночке. Во всех других отношениях, – возьмем, например, разлучение членов семьи, – положение, пожалуй, хуже, чем в свое время на хлопковых плантациях Америки. Нет никаких оснований думать, что это положение вещей изменится, пока сохраняется хотя бы один тоталитарный режим. Мы не можем предвидеть всех последствий этого факта, ибо сохраняем некую мистическую веру, что режим, основанный на рабстве, должен рухнуть. Достаточно, однако, сравнить время существования древних рабских империй и современного государства. Цивилизации, основанные на рабстве, существовали по четыре тысячи лет.

Когда я думаю об античном мире, меня больше всего пугает то, что сотни миллионов рабов, на спинах которых выросли целые цивилизации, не оставили после себя никаких следов. Мы не знаем даже их имен. Сколько имен рабов знаем мы во всей истории Греции и Рима? Мне приходят на ум два, может быть три. Спартак и Эпиктет. Кроме того, в римском зале Британского музея есть стеклянный кувшин с именем мастера на дне: – «Felix fecit». («Сделал Феликс»). Мне кажется, я вижу этого Феликса (рыжего галла с металлическим ошейником), хотя вполне возможно, что он не был рабом. Остается только два имени, которые я знаю наверняка и, может быть, кто-нибудь сможет вспомнить еще несколько. И это все. Остальные исчезли, не оставив по себе ничего.

5

Главной силой, сопротивлявшейся Франко, был испанский рабочий класс, прежде всего члены городских профсоюзов. В перспективе, важно помнить, что – именно в перспективе – рабочий класс останется наиболее последовательным врагом фашизма, потому что именно рабочий класс может выиграть больше других в результате разумной перестройки общества. В отличие от других классов или прослоек, рабочий класс невозможно подкупать до бесконечности.

Говоря это, я не собираюсь идеализировать рабочий класс. В долгой борьбе, начавшейся после русской революции, именно рабочие были побеждены, и трудно спорить с тем, что это была их собственная вина. В разное время, в разных странах, с помощью неприкрытого, незаконного насилия громили рабочее движение, а их товарищи по классу за рубежом, теоретически связанные с ними узами солидарности, смотрели сложа руки и не вмешивались. Кто может поверить в классовую сознательность пролетариата после событий минувших десяти лет? Английскому рабочему классу резня товарищей в Вене, Берлине, Мадриде, или в любом другом месте может показаться менее интересной или менее важной, чем вчерашний футбольный матч. Но это не меняет того факта, что рабочий класс будет продолжать сражаться с фашизмом и после того, как другие поднимут руки. После захвата нацистами Франции, часть интеллигенции, в том числе и левой, сдалась. Странно, многие интеллигенты, громче всех выкрикивающие антифашистские лозунги, впадают в пораженчество при первом же ударе. Они достаточно дальновидны, чтобы понимать, как малы их шансы на успех, а к тому же их можно подкупить. Ведь недаром нацисты находят нужным подкупать интеллигенцию. С рабочим классом дело обстоит наоборот.

Недостаточно образованный, чтобы разобраться в лживости посулов фашизма, он легко попадает на удочку; но рано или поздно снова вступает в борьбу. Рабочие вынуждены бороться, ибо на собственной шкуре убеждаются в обмане, жертвой которого они стали. Чтобы навсегда переманить на свою сторону рабочий класс, фашизм должен был бы повысить его жизненный уровень, чего он не может, а пожалуй и не хочет сделать. Борьба рабочего класса напоминает жизнь растения. Растение слепо и лишено сознания, но того, что оно знает – достаточно, чтобы, не переставал, тянуться к свету, и оно будет это делать, несмотря на все препятствия. За что борются рабочие? Просто-напросто за приличную жизнь, которая, – в чем они все больше и больше убеждаются, – стала технически вполне возможной. Они не всегда отдают себе ясный отчет в своих целях. В течение некоторого периода народ Испании сознательно шел к цели, которая казалась ему достижимой. Простые люди нутром чувствовали, что республика им друг, а Франко – враг. Народ знал, что он прав, ибо он дрался за то, что мир ему был должен и мог дать.

Необходимо помнить об этом, чтобы правильно понять суть Испанской войны. Когда думаешь о жестокости, грязи и бессмысленности войны – а в этом случае также и об интригах, преследованиях и лжи – впадаешь в соблазн сказать: «Обе стороны хороши. Я нейтрален». На деле же такой нейтралитет немыслим, и вряд ли может быть война, в которой неважно, кто победит. Почти всегда одна сторона выступает, в большей или меньшей степени, за прогресс, другая – за реакцию. Ненависть, которую испанская республика вызывала у миллионеров, герцогов, кардиналов, богатых гуляк, закоренелых консерваторов и им подобных, говорит сама за себя. По сути своей это была классовая война. Если бы республика одержала победу, это помогло бы делу простого народа в других странах. Но республика была разбита, и рантёе всего мира потирают руки. В этом суть. Все остальное – лишь праздная болтовня.

6

Исход Испанской войны был решен в Лондоне, Париже, Риме, Берлине, но во всяком случае не в Испании. Осенью 1937 года все, у кого глаза были на месте, поняли, что республиканское правительство не сможет победить, если не произойдет радикальных изменений в международном положении. Решение Негрина и других продолжать войну было, вероятно, в какой-то мере связано с ожиданием мировой войны, которая действительно вспыхнула, но только не в 1938 году, а в 1939. Отсутствие единства в рядах республиканцев, о котором так много писали, не было главной причиной поражения. Республиканское ополчение было сформировано в спешке, скверно вооружено и плохо подготовлено тактически. Но эти вещи не изменились бы и в случае полного политического единства в республиканских рядах. В момент начала войны рядовой испанский рабочий не умел даже стрелять из винтовки (в Испании никогда не было всеобщей воинской повинности). Традиционный пацифизм левых кругов также сыграл здесь немалую роль. Из тысяч иностранцев, служивших в Испании, удалось сформировать неплохие пехотные части, но среди них было очень мало настоящих военных специалистов. Троцкистский тезис – войну можно было выиграть, если бы дело революции не было предано, – по-видимому ложен. Национализировать заводы, разрушить церкви, выпустить революционные манифесты – еще не значит сделать армию более боеспособной. Фашисты победили потому,

что были сильнее. У них было современное оружие, а у другой стороны его не было. Никакая политическая стратегия не может этого изменить.

Самое большое удивление вызывает политика великих держав. Войну для Франко выиграли Германия и Италия, по причинам вполне очевидным. Мотивы поведения Франции и Великобритании понять труднее. В 1936 году всем было ясно, что если Великобритания окажет помощь испанскому правительству оружием стоимостью всего лишь в несколько миллионов фунтов стерлингов, Франко будет разбит и немецкая стратегия потерпит серьезное поражение. Не нужно было обладать даром провидения, чтобы убедиться в неминувности англо-германской войны. Можно было даже предсказать, когда она начнется, с точностью до одного-двух лет. Но английский правящий класс самым подлым, трусливым и ханжеским образом делал все, что мог, для победы Франко и нацистов в Испании. Почему? Потому, что они были профашистами. Ответ очевиден и не вызывает сомнений. Но когда дело дошло до решающей схватки, они поднялись против Германии. До сих пор неясно, на что рассчитывали правящие круги Англии, помогая Франко. Возможно, у них вообще не было четкого плана. Порочен английский правящий класс или просто глуп? Это один из самых трудных, причем очень важных, вопросов нашего времени. Какими доводами руководствовались русские во время войны в Испании – уму непостижимо. Вмешались ли они для того, чтобы, как полагают розовые, защищать демократию и сорвать планы нацистов? Тогда почему они оказывали такую мизерную помощь и – потом – бросили Испанию на произвол судьбы? Может быть, как утверждают католики, они вмешались, чтобы раздуть в Испании революционный пожар? Тогда почему же они делали все, что было в их силах, чтобы подавить испанское революционное движение, защищать частную собственность и передать власть среднему сословию, а не рабочему классу? Или может быть, как думают троцкисты, русские вмешались только для того, чтобы предотвратить испанскую революцию? Тогда почему они не поддержали Франко? Легко всего объяснить их действия, если предположить, что русские руководствовались одновременно несколькими мотивами, причем все они противоречили друг другу. Будущее, думаю, покажет, и внешняя политика Сталина, которую принято считать такой дьявольски хитрой, раскроется во всем своем оппортунизме и глупости. Но как бы то ни было, гражданская война в Испании показала: нацисты знают, чего они добиваются, а их противники – нет. Война велась на низком техническом уровне и стратегия была чрезвычайно проста. Та сторона, которая имела оружие, должна была победить. Нацисты и итальянцы дали оружие своим друзьям – испанским фашистам, а западные демократии и русские не дали оружия тем, кто мог быть их друзьями. Поэтому Испанская республика погибла, «приобретя то, в чем ни одна республика не нуждается», то есть фашизм.

Трудно ответить на вопрос – правильно ли поступали левые круги, поощряя испанцев сражаться, хотя они не имели шансов на победу. Лично я думаю, что они поступали правильно, ибо убежден, что – даже с точки зрения жизнеспособности народа – лучше драться и потерпеть поражение, чем сдаться без боя. Еще рано оценивать воздействие этой борьбы на общую стратегию борьбы с фашизмом. Раздетая, безоружная армия республики продержалась два с половиной года, то есть значительно дольше, чем рассчитывали ее враги. Но нарушило ли это фашистский план действий или просто оттянуло начало мировой войны и тем самым позволило фашистам лучше подготовить свою военную машину? – На этот вопрос ответить пока трудно.

Каждый раз когда я думаю об испанской войне, два воспоминания всплывают в моей памяти. Первое – больничная палата в Лериде и немного грустные голоса раненых ополченцев, тянувших какую-то песню, припев которой заканчивался словами:

Una resolucio, Luchar hast'al fin! [33] Ну что ж, они действительно боролись до конца. Последние восемнадцать месяцев республиканцы сражались почти совсем без сигарет, имея только крохи съестного. Уже в середине 1937 года, когда я покинул Испанию, мясо и хлеб можно было достать с трудом, табак стал редкостью, кофе и сахар исчезли почти совсем.

Второй эпизод, который мне вспоминается – это встреча с итальянцем-бойцом ополчения, пожавшим мне руку в тот день, когда я тоже стал ополченцем. С этого эпизода начинается моя книга «Памяти Каталонии», и я не хочу повторяться. Когда я вспоминаю – живо, – будто он стоит перед моими глазами, – потрепанную форму итальянца, его мужественное, трогательное и невинное лицо, все сложные проблемы, связанные с войной, как бы отходят в сторону и я вижу с ясностью, что в одном не могло быть никаких сомнений – на чьей стороне правда. Как бы ни пытались затушевать правду политические деятели и лживые журналисты, она заключалась в том, что такие люди, как этот ополченец, дрались за лучшую жизнь, на которую они имели право. Трудно думать об участии этого итальянца, не испытывая горечи. Я встретил его в Ленинских казармах, – следовательно он был троцкистом или анархистом, а в наше время такие люди, если их не убивает гестапо, обычно погибают от рук ГПУ. Но это не меняет дела. Лицо человека, которого я видел всего минуту или две, осталось в моей памяти как напоминание о подлинных целях войны. Он символизирует для меня цвет европейского рабочего класса, людей, на которых устраивает облавы полиция всех стран, тех, кто лег в братские могилы на полях битв Испании, а ныне гниют в лагерях принудительного труда.

Когда думаешь о людях, которые поддерживали или поддерживают фашизм, приходишь в удивление от их разношерстности. Что за сборище! Какая программа могла объединить Гитлера, Петена, Монтегю Нормана, Павелича, Уильяма Рандольфа Херста, Штрейхера, Бухмана, Эзру Паунда, Хуана Марча, Кокто, Тиссена, отца Ко- флина, муфтия Иерусалима, Арнольда Лунна, Антонеску, Шпенглера, Беверли Никольса, леди Юстон и Маринетти? Но ларчик раскрывается просто. Это люди, у которых есть что терять, или те, кто мечтают об иерархическом обществе, боящиеся мира, в котором живут свободные и равноправные человеческие существа. За болтовней о «безбожной «России и о «материализме «рабочего класса скрывается всего лишь стремление людей, имеющих деньги и положение в обществе, сохранить эти блага. То же самое относится и к разглагольствованиям о бессмысленности социальной перестройки, не сопровождающейся «переделкой души», хотя здесь есть какая- то доля истины. Все святоши – от Папы до калифорнийских йогов – мечтают о «переделке души», которая кажется им гораздо более приемлемой, чем переделка экономической системы. Петен приписал вину за поражение Франции любви простого народа «к удовольствиям». Стоит, однако, призадуматься над тем, кто больше имел в жизни «удовольствий» – сам Петен или простой французский крестьянин, либо

рабочий. Как чудовищно наглы все эти политиканы, священники, литераторы и им подобные, корящие рабочих-социалистов за их «материализм». А ведь рабочие добиваются всего-навсего того минимума, без которого представители других классов даже и не мыслят жизни. Еда в достаточном количестве, отсутствие страха безработицы, уверенность в том, что дети смогут выбиться в люди, ванна раз в день, смена чистого белья, непротекающая крыша над головой и не слишком длинный рабочий день, так, чтобы человек возвращался домой не совсем обессиленным. Ни один из врагов «материализма» не сочтет жизнь возможной без этого минимума. А ведь как легко его достигнуть, если направить на достижение этой цели наши совместные усилия в течение каких-нибудь двадцати лет! Поднять жизненный уровень всего мира до уровня Великобритании – дело не более трудное, чем выиграть войну, которая только что закончилась. Я не утверждаю, – да по-моему никто этого не говорит, – что тогда все наши беды исчезнут сами собой. Необходимо, однако, ликвидировать нищету и изнуряющий труд, прежде чем браться за главные проблемы, от которых страдает человечество. Главная проблема нашего времени, это гибель веры в личное бессмертие, но заниматься ею нельзя, пока люди сгибаются как волы под тяжестью ярма или дрожат в страхе перед тайной полицией. Как прав рабочий класс в своем «материализме»! Насколько верно его убеждение, что желудку следует отдавать предпочтение перед душой, причем не в шкале ценностей, а только в смысле времени! Поняв это, мы начинаем понемногу сознавать весь ужас нашего положения. Сколько преград на нашем пути, – пронзительные голоса Петена и Ганди, сознание неизбежности унижения в ходе борьбы, двурушничество Великобритании, провозглашающей демократические лозунги и сохраняющей империю кули, зло-вещий путь, по которому идет Советская Россия, мерзкий фарс левой политики, – все это вещи второстепенные, а борьба, единственная настоящая борьба, идет между пробуждающимся простым народом и хозяевами, с их наемными лжецами и блюдолизами. Вопрос предельно прост. Смогут ли люди, подобные этому итальянскому солдату, жить достойной, полной жизнью, которая сегодня практически вполне достижима, или нет? Будет простой человек опять втаптываться в грязь или нет? Лично я верю, возможно, без достаточных на то оснований, что простой человек рано или поздно победит. Я хотел бы, чтобы это произошло рано – то есть, скажем, в течение ближайшего столетия, а не через десять тысяч лет. Вот за что велись война в Испании, Вторая мировая и, возможно, будут вестись следующие несколько войн.

Я никогда больше не видел того итальянского солдата и не знаю его имени. Думаю, что он, почти наверняка, погиб. Примерно два года спустя, когда было ясно, что война проиграна, я написал эти стихи, посвященные его памяти:

Итальянский солдат пожал мне руку
Над столом, в казарме;
Мозолистая рука и тонкая рука. —
Наши ладони могут встретиться
Только под гром канонады,
Но какое спокойствие почувствовал я,
Глядя в это суровое лицо,
Чище, чем лицо женщины!
Высокопарные слова, от которых меня мутит,
Для него еще звучали как святые.

Он родился, зная то, чему
Я выучился по книгам с большим трудом.
Предательские винтовки вели свой рассказ
И мы ему оба поверили,
То был самородок из чистого золота —
Кто бы мог раньше подумать?
Желаю счастья тебе, итальянский солдат!
Но счастье не для храбрых;
Что может дать тебе мир?
Ты всегда даешь ему больше.
Между тенью и призраком,
Между белыми и красными,
Между пулей и ложью,
Где ты преклонишь голову?
Где Мануэль Гонзалес,
Где Педро Агилар,
Где Рамон Фенеллоза?
Земляные черви знают где они.
Твое имя и подвиги были забыты
Прежде, чем высохли твои кости,
А ложь, убившая тебя, погребена
Под еще более тяжелой ложью.

Версия #2

Зверобой создал 5 мая 2025 21:52:30

Зверобой обновил 5 мая 2025 21:55:15